

ПРОЛОГ

*Сиверс-Херенхауз, земля Рейнланд-
Пфальц,
Германия, май 1945*

Когда с улицы донеслись первые грозные раскаты, Хумберт Пауль фон Зиверс ан дер Майн, носивший титул фрайхерра, то есть барона, подошел к окну и распахнул ставни. Глядя на темно-сапфировые облака, сгущающиеся над усадьбой, этот худощавый сорокапятiletний мужчина, облаченный в чистую сорочку и малиновый смокинг, сшитый из тончайшего бархата, снял очки, протер их носовым платком и снова водрузил на нос. Подбородок барона был гордо поднят, глаза яростно блестели, победный клич так и рвался из его колыхающейся груди. В этот момент он сам себе казался истуканом, высеченным из мрамора, эдаким небожителем, способным побороть любую стихию, одолеть самого страшного врага.

Да! Он это сделал, завершил свою работу. Ему осталось лишь нанести последний, финальный штрих.

Скрипнула дверь. В комнату вошла светловолосая женщина в черном шелковом халате, го-

лубоглазая, с ярко покрашенными губами. Она поставила на стол поднос с двумя бокалами, бутылкой коньяка «Асбах Уралът» и лимоном, порезанным на тонкие ломтики.

Хумберт посмотрел на нее холодным немигающим взглядом и скривил губы. Запах табачного дыма, который ворвался в кабинет вместе с этой женщиной, вызывал у барона раздражение.

— Хельга! Ты опять?.. — заявил он.

Женщина ничего не ответила, наполнила один бокал и несколькими глотками выпила коньяк. После этого она достала из кармана пачку сигарет, закурила и подошла к окну.

Лицо барона приобрело бордовый оттенок.

Это неслыханно! Что она себе позволяет?

Однако сегодня Хельга, безусловно, решила не считаться с его приказами. Подобное поведение этой женщины он назвал бы дерзким, если не сказать наглым.

Глядя на то, как Хельга в очередной раз затягивается сигаретой, Хумберт заявил:

— Кто позволил тебе курить? Мы же договаривались, что ты оставишь эту гадкую привычку!

Женщина исподлобья взглянула на него и сухо сказала:

— Прекрати свое нытье! Неужели ты не понимаешь — все кончено! По радио только что сообщили, твой любимый фюрер застрелился! Русские штурмуют Рейхстаг!

Хумберт задержал дыхание, его правая щека дернулась в нервном тике.

— Фюрер застрелился? — хрипло процедил барон и невольно посмотрел на толстую тетрадь, лежавшую на письменном столе.

Это движение его головы было замечено Хельгой, и она, чуть повысив голос, спросила:

— Ты закончил работу?

Барон на мгновение замешкался, потом ответил:

— В общем-то, да.

Хельга решительно подошла к столу и собиралась уже протянуть руку, но Хумберт ее опередил. Он быстрым движением схватил тетрадь, убрал ее в верхний ящик стола и запер его на ключ.

— Я нашел отгадку на главный вопрос, но должен кое-что проверить, пересчитать еще раз, — проговорил он.

— То есть формулы еще нет?

— Есть! Она здесь! — Мужчина постучал указательным пальцем по своей голове.

Хельга выдавила из себя улыбку.

— Ты должен как можно быстрее все записать! — Она приблизилась и положила руки ему на плечи. — Скоро здесь будут американцы. Мы продадим им твоё изобретение и уедем. Мы забудем весь тот кошмар, в котором жили последние несколько лет. Мы станем богатыми, купим домик в Калифорнии, на побережье, заведем малыша.

— Что? Продать мое изобретение? Ну уж нет! — решительно заявил Хумберт. — Плоды моих трудов не достанутся этим свиньям, тупым америкашкам. Я создавал свое детище во славу великой Германии. Оно не будет служить этому низкосортному сброду!

— Чем же так плохи американцы?

— Янки — это нация эмигрантов, большинство из них составляют самые обычные евреи!

— Тогда поедем в Париж.

— Лягушатникам я тоже не отдам свою формулу! Ни им, ни англичанам, ни уж тем более твоим ненаглядным русским!

Хельга нервно рассмеялась и осведомилась:

— Тогда что же ты собираешься делать? Как поступишь со своим так называемым детищем, над которым так трясешься?

Хумберт прищурился. Его щека снова начала дергаться.

— Так называемым? Трясусь? Я не ослышался? Ты сказала именно эти слова?

— По-моему, ты окончательно свихнулся, мой дорогой Хьюго. Сейчас не до твоих глупых бредней о чистоте арийской расы и прочей вашей национал-социалистической дури. Мы должны просто спасти свою школу...

Женщина не договорила, потому что барон заорал так, что из его рта полетели слюни:

— А ну пошла вон! Прочь отсюда, русская потаскуха! Не смей даже думать о том, что тебе

удастся присвоить мои достижения и продать их кому бы то ни было. И убери отсюда коньяк. Я не желаю пить в такой момент.

Хельга отшатнулась, ее лицо скривилось в презрительной гримасе. Втянув ноздрями воздух, Хельга подбежала к столу и смахнула с него поднос со всем его содержимым. Раздался звон, паркет тут же покрылся осколками стекла. Янтарная жидкость растеклась по полу, а ломтики лимона разлетелись по ковру. Хельга бросила на пол недокуренную сигарету, погасила ее ногой, вышла из комнаты и громко хлопнула дверью.

Барон был ошарашен. Она часто устраивала ему истерики, но на этот раз все зашло слишком далеко.

Оставшись в одиночестве, Хумберт уселся за стол.

— Вы только послушайте ее! Родить малыша! От кого? От этой ничтожной второсортной девки? Ну да ничего, за этот поступок Хельга еще ответит! Наказание будет суровым, но с этим придется повременить. Сейчас мне нужно просто закончить работу, — пробурчал он себе под нос.

Услышав, что начался дождь, барон поспешил закрыть окно, после чего достал из стола ту самую тетрадь, которую недавно спрятал от Хельги, взял перо и начал что-то быстро писать.

Примерно через полчаса Хумберт закончил работу и снова подошел к окну. Сверкнула молния.

Барон невольно вздрогнул, но ему тут же стало стыдно за собственный страх.

Через завесу непрерывно льющегося потока воды барон разглядывал свои владения. Неужели скоро здесь все изменится?

Асфальтовое шоссе, ведущее к усадьбе, по обеим сторонам было посажено липами. Сама усадьба, расположенная на высоком холме, представляла собой ряд кирпичных построек с крутыми черепичными крышами. Помимо особняка, довольно внушительного каменного здания с треугольным фронтоном, остроконечными башнями и балюстрадой, здесь имелись несколько домиков для прислуги, псарня и каменный колодец с кристально чистой водой. Перед главным зданием раскинулся ярко-зеленый газон с ровно стриженными кустами самшита, торчащими тут и там. Слева от усадьбы располагались распаханное поле, справа протекала извилистая горная речушка Кальтерштрум, в которой водилась ручьевая форель.

Дождь барабанил по карнизу. Хумберт продолжал смотреть на покрытую рябью реку, туда, где росла старая раскидистая ива.

Он вдруг вспомнил, как в первый раз ходил с отцом на рыбалку. Именно в тени этой ивы мальчик поймал свою первую форель.

Здесь же, под этой самой ивой, когда-то случилось то, что сильно повлияло на его дальнейшую жизнь.

В тот день он, как и сегодня, был вне себя, и виной тому тоже была женщина. Это случилось летом девятьсот десятого года.

Маленькому Хьюго было чуть больше двенадцати, когда зеленоглазая фрейлейн появилась в их доме. Ее звали Гретта Эрбер. Отец привел в дом и представил сыну его новую воспитательницу.

Фрейлейн Эрбер было не больше тридцати. Однако строгие очки, которые она почти никогда не снимала, и темно-каштановые волосы, завязанные в тугий узел на затылке, делали эту особу значительно старше. Гретта Эрбер поселилась не в крыле, где жила вся прочая прислуга, а неподалеку от кабинета отца.

Новая воспитательница занималась с Хьюго точными науками. Она была в меру приветливой и столь же строгой, однако с первого же дня их знакомства маленький Хьюго почувствовал страх. Он боялся зеленоглазую фрейлейн где-то на уровне подсознания. Вскоре выяснилось, что предчувствия его не обманули.

В тот жаркий летний день маленький Хьюго решил порыбачить. Он вышел к реке и направился к иве, росшей на берегу. Облюбовав место в густом орешнике, Хьюго насадил мушку и сделал заброс.

В этот самый момент он услышал приглушенные звуки. Кто-то негромко кричал.

Стараясь не шуметь, мальчик выглянул из кустов и увидел мужчину и женщину, лежащих

на примятой траве. Она извивалась змеей, он то и дело вздрагивал и негромко сопел. Их одежды были брошены рядом, тела лоснились от пота под лучами палящего солнца.

Хьюго не сразу узнал отца. Чуть позже, когда понял, кто перед ним, он разглядел и женщину. На этот раз волосы Гретты Эрбер были распущены. Ее ужасные очки с толстыми стеклами валялись чуть в стороне.

Маленький Хьюго впервые видел такое. Все это показалось ему ужасным. Сердце мальчика бешено трепетало.

Спустя некоторое время отец поднялся и достал из дамской сумочки, лежавшей поблизости, пачку сигарет. До этого Хьюго ни разу не видел, чтобы отец курил. Поэтому с той самой минуты мальчик возненавидел эту ужасную человеческую слабость.

Отец пригнулся к фрейлейн и что-то прошептал ей на ухо. Смех, который вырвался из ее груди, тоже показался Хьюго ужасным. Когда пара оделась и покинула поляну, он все еще боялся пошевелиться.

Хьюго вернулся домой. Когда мать спросила у него, почему он ничего не поймал, сын пожаловался на головную боль и заперся в своей комнате.

На следующий день Хьюго отправился в отцовскую библиотеку. Он отыскал там книгу по домоводству и внимательно прочел все, что касалось борьбы с грызунами.

Через пару дней Хьюго направился к Вуди Мюллеру, плешивому краснолицему старикашке, выполнявшему в баронской усадьбе обязанности садовника. Мальчик вручил садовнику бутылку крепкой вишневки, заявил, что это подарок от матери. Хьюго соврал старику, сказал, что хозяйка решила его наградить, так как ей очень понравились метельчатые флоксы, выращенные им. Садовник был слегка удивлен, но не смог отказаться от столь неожиданного и приятного подарка. Спустя пару часов Вуди уже спал мертвецким сном прямо на столе, а опустевшая бутылка валялась на полу.

Убедившись в том, что старик отключился напроць, Хьюго пробрался в его каморку и отыскал на полках небольшую коробочку. В ней хранился белый кристаллообразный порошок, стрихнин, которым Вуди травил кротов, расплодившихся в огороде. Хьюго наполнил порошком спичечный коробок и тем же вечером подсыпал его в тарелку с супом фрейлейн Гретты.

Женщину увезли в клинику с тяжелым пищевым отравлением. На следующий же день в Сиверс-Херенхауз явилась полиция. Полноватый инспектор о чем-то долго беседовал с отцом. Потом стражи порядка арестовали Вуди Мюллера и увезли его в Майнц. После этого Хьюго ни разу его не видел.

Гретта Эрбер в имении тоже больше не появлялась. Женщина выжила, но, по слухам, после

отравления стрихнином ее лицо стало просто ужасным. Маленький отравитель был в восторге от своей победы над этой ненавистной особой и навсегда определился со своей будущей профессией.

В восемнадцатом году Хумберт фон Зиверс приехал в Лейпциг и поступил на медицинский факультет, потом получил докторскую степень в Тюбингене, вслед за этим были Берлин и институт Пастера в Париже. В тридцать восьмом он, проникшись национал-социалистическими идеями, вступил сначала в партию, а потом и в СС. В сороковом барон получил должность военного врача саперного батальона пятой танковой дивизии СС «Викинг».

Именно тогда он и познакомился с Хельгой.

Эта женщина в забрызганной грязью кофте и изодранной юбке стояла в третьей шеренге среди удрученных узниц. Она была одной из нескольких сотен таких же грязных, неухоженных и истощенных, но он почему-то сразу положил на нее глаз.

Всю свою жизнь Хумберт фон Зиверс занимался наукой, поэтому времени на удовлетворение плотских потребностей у него, как правило, не хватало. Однако иногда ему просто нужна была женщина, и он ее находил, первую попавшуюся, пусть даже некрасивую. Так случилось и в тот день, в сентябре сорок первого.

Хумберт велел денщику привести приглянувшуюся ему женщину в свой кабинет. Волосы

узницы были грязными и сальными, от нее пахло хлоркой, но Хумберта это не остановило. Он овладел ею на кожаном диванчике, прямо под портретом фюрера, висевшим на стене.

В течение того времени, пока этот тип довольно грубо терзал ее тело, узница была неподвижна и не проронила ни звука. Потом она встала с дивана, поправила юбку и о чем-то спросила его по-русски.

Хумберт не понял и был сильно удивлен, когда женщина с дерзкой усмешкой повторила свой вопрос на довольно сносном немецком:

— У тебя давно не было бабы?

До этого он просто собирался накормить изголодавшуюся плоть и прогнать эту русскую пленницу, забыть о ней навсегда, но теперь, после слов, сказанных ею, почему-то передумал.

Барон встал, застегнул брюки и громко крикнул, зовя денщика, стоявшего за дверью:

— Руди!

В комнату вбежал солдат и вытянулся в струнку.

— Я здесь, герр оберштурмбаннфюрер!

— Приведи эту русскую в божеский вид и снова приведи ко мне! — распорядился Хумберт.

Когда Руди выполнил приказ, барон был поражен тем, как преобразилась эта узница.

Она была чертовски хороша собой!

Эта красота, такая нетипичная для славянских женщин, в тот же момент снова вызвала у мужчины приступ желания. Когда солдат, доставив-